

УДК 81'42

DOI 10.17223/19986645/33/3

И.А. Пушкарева

КОНЦЕПТ «ПРАВДА» В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

Статья посвящена отражению в региональном медиадискурсе концепта «правда», одного из ключевых в русской культуре. Материалом исследования является городская газета «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Рассматриваются три смысловые составляющие концепта: «правда факта», «правда мысли», «правда совести». Эти составляющие анализируются с точки зрения их семантико-стилистического своеобразия. Представлен регулятивный аспект включения имени концепта в газетные тексты: охарактеризованы случаи включения слова «правда» в заголовок (подзаголовок) и регулятивные структуры, основанные на лексическом повторе, а также случаи употребления регулятивов-синтагм, основанных на использовании эпитетов и метафор, и регулятивов-парадигм, основанных на семантическом сходстве или контрасте. Обосновывается ключевая семантико-стилистическая роль в медиадискурсе значения «правда совести».

Ключевые слова: медиадискурс, газетно-публицистический текст, городская газета, концепт, семантико-стилистическая роль.

В связи с функциональной природой СМИ концепт «правда» занимает в них важнейшее место: содержание данного концепта полностью соответствует коммуникативному назначению газетно-публицистического текста, стремящегося не только передать достоверную информацию, но и сформировать справедливую социальную оценку. Слово *правда* в русском языке «обладает высокой частотностью» [1. С. 636], хотя в публицистике 1990–2000-х гг. отмечается снижение частоты употребления имени существительного *правда* в сравнении с периодом 1970–1980-х гг.: 164,3 и 238,8 соответственно [2]. Рассмотрим семантико-стилистические особенности употребления имени концепта «правда» в массовой городской газете «Кузнецкий рабочий» за последние три года (публикации представлены на официальном сайте издания <http://kuzrab.ru/>).

В проанализированном материале мы находим три основные составляющие концепта «правда»: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» (далее в ряде случаев использованы сокращения ПФ, ПМ и ПС). Дифференциация этих составляющих соответствует данным толковых словарей и результатам концептуального анализа (см.: [1. С. 543–640], [3. С. 455–471], [4], [5]). «Правде факта», «правде мысли» и «правде совести» в городской газете соответствует система семантико-стилистических особенностей. Рассмотрим их подробнее.

Значения ПФ и ПМ раскрывают «универсальное понятие» правды [4. С. 473–477], «то, что соответствует действительности» [6. С. 529], однако в то же время обладают рядом содержательных различий.

Значение **правда факта** отражает таксономическую характеристику слова *правда*, передающего «частные суждения, главным образом о событиях и фактах» [3. С. 463]. Факт – «действительное, вполне реальное событие, явление» [6. С. 779]. В рассмотренном материале преобладают факты, связанные с историей города и его настоящим, например с *пароходной историей Новокузнецка*: <...> *были нарекания со стороны прибывшего на пароходе речного же начальства, что никто его официально на берегу не встретил. И это была правда. Во всяком случае, если городское управление и знало что-нибудь о предполагающемся прибытии из Томска, то есть с низовьев реки Томи, парохода, то оповестить об этом городское население оно отнюдь не удосужилось* (П. Лизогуб, 02.06.2013). Многие материалы посвящены интересным людям, в том числе горожанам. Характерно, что в газете отражены факты не только мира внешнего, но и мира внутреннего, например: *Дмитрий, 17 лет:*

– *Если бы такой закон уже сейчас действовал, я бы все равно пришел. Я в армию хочу. Знаю, что это странно, надо мной все друзья смеются. Но это правда* (экспресс-опрос среди призывников А. Шахабутдиновой, 03.04.2012).

Правда мысли предполагает истинностную оценку не самого факта, а его (их) интерпретации, выраженной в суждениях. «Правда включает в себя не только “голые” факты, но и каузальные связи между ними» [7. С. 126]. Изменяются тематические доминанты газетных материалов, представляющих «правду мысли»: в центре размышлений находятся события в культурной жизни и нравственный облик социума. В контекстах появляется уточнение содержания правды с помощью конструкции с предлогом *О*. Например: *Концентрация жизни в них просто была через край, а явление Гай Германики однозначно свидетельствовало: в мир киноискусства пришёл новый человек. И кое-какую правду о жизни она знает. Это правда о глупых, нищих духом девчонках, “овцах”, перед которыми широко и привольно расстилается их безысходное будущее* (Д. Рэйвен, 31.05.2012); *И вместе с тем даже там, где она, казалось бы, находится в полном умиротворении, непрямою, подспудно звучит правда о зыблестности человеческого счастья, которое, кстати, в ее стихах не какая-то длительная полоса света, а лишь кратковременные сполохи зарниц.* <...> *Пишет Юлиана Чайка правду и о сегодняшней жизни, где люди, словно “сбитые в стадо кнутом... теснятся покорным скотом”, а бывшее их “первомайское равенство с братством как-то рассосалось на нет*” (Г. Кузнецов, 27.12.2011). Н.Д. Арутюнова подчёркивает, что «правда» «даёт истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей», и делает очень важное пояснение: «Прикосновение к конкретной жизни – первый шаг к превращению истины в правду» [1. С. 594]. Газетные материалы позволяют судить о том, что мысли, выражающие обобщённые суждения о жизни, характеризуются как «правда», если они пропущены оценивающим субъектом через себя, приобретают личностную окраску.

В связи с передачей «правды факта» и «правды мысли» интересно осмысление устойчивого выражения *правда жизни*, которое представлено в контекстах ПФ и реже – ПМ. С одной стороны, выражение включено в пейоративные контексты: *Однако, как ни крути, все вышеописанное – правда*

жизни, которая легко может обернуться смертью (А. Шахабутдинова, 24.05.2013); *Лотки с шаурмой, пивом могут платить взятки, а с прессой – нет. Такова коррупционная правда жизни* (С. Бабинов приводит комментарий А. Оськина, 19.07.2012). С другой стороны, центральное место в материалах с выражением *правда жизни* (*жизненная правда*) занимают контексты, раскрывающие тему искусства, эстетики творчества. В этих контекстах вопрос о воплощении *правды жизни* в искусстве представлен как дискуссионный, причём неоднократно формула *правда жизни* звучит как чужое слово, передающее устоявшиеся представления о связи искусства и действительности, не всегда и не во всём совпадающие с эстетической концепцией творческой личности: *И вдруг вспомнил выражение эссеиста Александра Гениса, что “Последний день Помпеи” – картина противоположенных эффектов. Точно! Так называемой “жизненной правды” ни в “Титанике” Кэмерона, ни в “Последнем дне Помпеи” ни на грош <...>* (И. Бодхисатхва, 21.01.2010); *Потрясающий, к слову, снимок принадлежит одному из лучших наших фотографов Владимиру Воробьеву, который входил в легендарное творческое объединение “ТРИВА”. Он снимал гораздо больше, чем “правду жизни”, он размышлял о времени и человеке в нём* (С. Михайлов, 24.05.2013). В последнем контексте мы встречаем характерный случай градуальной семантической связи, которая передаёт читателю мысль о том, что *размышлять о времени и человеке в нём* – это гораздо больше, чем копировать «правду жизни» (http://www.kuzrab.ru/upload/medialibrary/229/056_21_2013.jpg).

С точки зрения содержания концепта «правда» ключевое место занимает составляющая **правда совести**. Этот смысл А. Вежбицка определяет как «семантически сложный», толкуемый через «универсальное понятие» *правды* и являющийся «чисто русским» [4. С. 473–474]. Ф.И. Буслаев, сравнивая понятия *правда* и *истина*, пишет: «<...> в понятиях народа представление о правде неразлучно с представлением об истине. Но *правда* отличается от *истины* уже самим производством от *правый*, коему противоположно *виноватый*; означает справедливость в противоположность кривде, и закон вместе с исполнением, судный обычай. Отсюда *Русская Правда*. Правда, как понятие нравственное, стоит выше истины, что видно из слов *праведникъ, праведный* – т.е. святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною с делами добрыми. Потому-то правда называется святою, божиею» [8. С. 280]. В словаре В.И. Даля мы находим следующее толкование: *правда* – «истина на дѣлѣ, истина во образѣ, во благѣ; правосудіе, справедливость» [9. С. 379]. Согласно размышлениям А.Д. Шмелёва о *правде* в диахроническом аспекте, в древнерусских памятниках «*правда*, как и в современном языке, была ориентирована на соответствие идеалу, но идеалу, имеющему Божественное происхождение» [10. С. 56]. В современной картине мира «*правда* принадлежит человеческому миру, она существует постольку, поскольку известна людям. <...> Ту правду, которую человек знает, он стремится донести другим людям, и в этом смысле правда идёт изнутри во внешний мир» [10. С. 55]. Смысловое доминирование значения «правда совести» в газетном тексте поддержано стилистическими особенностями. Тематической доминантой контекстов, представляющих «правду совести», в газете является нравственный стержень человека. Уступают ей в количественном отношении, но в то

же время представлены во многих контекстах такие темы, как закон, народ и власть, газета, история, проблемы ЖКХ.

Синкретизм трёх названных значений проявляется в размышлениях журналистов об *исторической правде*. Это характерно как для контекстов, где используется соответствующее выражение, так и для других контекстов, посвящённых теме исторической памяти. Согласно материалам городской газеты в сохранении исторической памяти важно бережное отношение к прошлому, в том числе к прошлому малой родины: *В вашей (нашей) газете от 21 марта с.г. (№ 31) в рубрике “Тайны архитектуры Новокузнецка” опубликован материал В. Паничкина “Главное кольцо города”. Не буду комментировать регулярные материалы вашего постоянного автора, в которых очень много категоричности и, на мой взгляд, вкусовщины. Но! Очень важна историческая правда* (С. Михайлов приводит письмо В.А. Вальтфогеля, 13.06.2013); *Публикация снимка, который извлек из своего архива известнейший фотограф Олег Богульский, и наша просьба помочь определить, когда происходило изображенное событие и что это за мостик, ведущий с Первой Береговой на Первую Болотную, где виднеются здания улицы Школьной и двадцать шестой школы, вызвали просто неожиданно живейший отклик наших читателей разных, как говорят, профессий. То, что нам хотят помочь, в общем, не удивляет, но что так вот дружно, с единственной целью – восстановить историческую правду, дорогого стоит* (С. Михайлов, 01.05.2010).

Во всех трёх типах контекстов (хотя в контекстах со значением «правда совести» лишь в единичных случаях) встречается конкретизация **«степени правды»**, создающая субъективацию изложения и, соответственно, отражающая регулятивную установку речевого субъекта (о регулятивности см.: [11. С. 165–166]). Разграничим четыре степени: 1) абсолютная правда; 2) частичная правда; 3) «скорее правда, чем неправда»; 4) возможная правда, версия.

Выражение правды как максимально полное характеризуется с помощью различных эпитетов: *абсолютная* (ПФ), *чистая* (ПФ, ПМ), *суцая* (ПФ), *святая* (ПМ), *истинная* (ПФ, ПМ, ПС). Например: *Ограничились восклицаниями, что такая езда нам очень нравится (и это суцая правда), чему собеседники, впрочем, не особенно поверили* (ПФ; И. Басалаева, 21.09.2012). Чаще всего высшая степень акцентируется в контекстах, где звучит «правда факта», что свидетельствует об установке журналиста на отражение действительного положения вещей.

Значение «частичная правда» передаётся с помощью соответствующего эпитета, а также выражений *доля правды*, *не вся правда*. Обозначение данной степени характерно для контекстов со значением «правда мысли» и предполагает коннотацию: «этого недостаточно, необходимо раскрыть всю правду». Так, выражение *доля правды* включено в контексты поиска правды и отражает определённую степень успеха на пути поиска: *Можно ли отдавать будущее в руки людей, которые способны “попутать” религиозное рвение и служебный долг, чёрное и белое, милосердие и жестокость? Ведь история с лишением свободы людей в “Источнике жизни”, по-моему, отлично доказывает, что доля правды в моих опасениях есть”* (ПМ; Е. Бухтиярова приводит фрагмент открытого письма О. Клепиковой, 01.05.2013).

Значение «похоже на правду», переданное соответствующим выражением, более характерно для контекстов ПМ, но встречающееся и в контекстах ПФ: *Сейчас, по ее [Н. Останиной] мнению, происходит наоборот – простых людей обкладывают со всех сторон, чтобы господам олигархам не так грустно жилось. **Очень, кстати, похоже на правду.** Если к олигархам относиться не только пять миллиардеров с “громкими” именами, имеющих бизнес в регионе, но и множество “присосавшихся”, в частности, к кормушке ЖКХ (ПМ; С. Штиль, 30.03.2010); До сих пор среди новокузнецчан жива легенда о том, что архитекторами и строителями были немецкие военнопленные. Это **весьма похоже на правду** – стилистика некоторых домов ясно указывала на западноевропейские мотивы архитектуры, а обшивка башни конторы деревянным гонтом и наличие у одного из домов мансардного этажа прямо говорило: здесь прусский дух – здесь Русью не пахнет (ПФ; В. Паничкин, 28.10.2012).* Преобладание данного значения в контекстах ПМ связано с открытым характером размышлений в современной публицистике.

Значение «возможная правда» передается словом *версия* и конструкцией «Если это правда...» и актуализировано в контекстах ПФ. Использование слова *версия* соответствует «расследовательскому» характеру журналистики: *Говорят, стоят баки хороших денег. И потому группа нам не товарищей промышляет тем, что быстренько снимает их с площадок дворов и продает, допустим, в частный сектор за полцены. Работы на час, а навар неплохой. Это **версия. Правды мы не знаем** (В. Немиров, 04.01.2013).* Конструкция «Если это правда...» используется в контекстах с сильной субъективной окраской, где журналист говорит о чём-то настолько ужасном, попирающем нравственные нормы, что в это страшно поверить: *А потом пришла с сумкой, где было что-то вкусное, доверчивая белка в нее нырнула и – все... Закрывает сумку и ушла. **Если это правда, то какая чернота в голове этой заботливой бабушки. Можно представить, что вырастет из ее внуков** (В. Немиров, 15.12.2011); Некто Яна рассказывает, что в преддверии праздника прямо в центре города отстреливали собак. Собаки умирали на глазах прохожих: “Собака упала на проезжей части, автомобили старались ее объехать. Одна женщина узнала в этой ухоженной собаке питомца своей соседки. Когда женщина уносила ее на руках с проезжей части с отравленной иглой в теле, убийцы сидели в машине и наблюдали”. Текст, разумеется, подкорректирован, но смысл верен. **И если все это правда, то картинка получается жуткой** (В. Немиров, 05.05.2010).*

Остановимся подробнее на специфике регулятивных структур (см. о них: [11. С. 168–169]), характерных для контекстов со значением «правда факта», «правда мысли», «правда совести». Были проанализированы случаи включения слова *правда* в заголовок (подзаголовок) и регулятивные структуры, основанные на лексическом повторе. Также данные контексты были рассмотрены с точки зрения употребления в них регулятивов-синтагм, основанных на использовании эпитетов и метафор, и регулятивов-парадигм, основанных на семантическом сходстве или контрасте (о смысловых текстовых межсловных парадигмах (см.: [11. С. 191])). По всем параметрам, за исключением использования регулятивов-синтагм с эпитетами, лидирующую позицию зани-

мают контексты ПС, что подчёркивает их семантико-стилистическую нагрузку в медиадискурсе.

Важную регулятивную роль в информационно-оценочном пространстве газеты играют **заголовки**. Заголовки со словом *правда* используются в различных по тематике и жанру материалах, что свидетельствует о значимости категории правды в осмыслении широкого круга явлений, в частности в выражении социальной оценки, например: «*Правда о Великой войне*» – экспрессивный отзыв о книге «*Ленинград – Берлин. Записки гвардейского минометчика*» (её автор наш земляк, участник Великой Отечественной войны Иван Иванович Рогинцев) (Ю. Алябьев, 17.03.2011); «*Нельзя у нас писать правду, нет свободы*» – книжный обзор (Б. Кобзарь, 26.04.2011); «*Голая правда*» – заметка о хозяйственных проблемах города (Л. Кулето, 19.01.2012); «*Правда у каждого своя*» – житейская история, посвящённая «квартирному вопросу» (Е. Кострова, 30.11.2012); «*За кем правда?*» – заметка, поднимающая вопрос о решении суда запретить эксплуатацию транспортных средств ООО «Автолайн-НК» (М. Столярчук, 12.10.2012); «*Право и правда*» – аналитическая корреспонденция, в которой обсуждается законность судебных решений о ДТП (С. Бабинов, 20.11.2010); «*Вера и правда*» – аналитическая корреспонденция об удовлетворении иска горожанки против завышенных нормативов оплаты жилищно-коммунальных услуг (С. Бабинов, 27.12.2011). Слово *правда* как компонент газетного заголовка ориентировано прежде всего на значение «правда совести». Благодаря таким заголовкам ещё до общения с текстом читатель настраивается на восприятие этически значимой информации.

Лексические повторы в большей степени характерны для контекстов ПС. В этом плане особенно интересен отзыв Ю.П. Алябьева о книге – «*Правда о Великой войне*» (17.03.2011). Здесь слово *правда* актуализировано различными стилистическими приёмами: оно представлено как условное имя собственное, включено в синтаксическую анафору, анадиплозис, амфитезу, выделено парцелляцией, сопровождается яркими эпитетами: *В канун всенародного праздника – Дня защитника Отечества – вышла удивительная книга “Ленинград – Берлин. Записки гвардейского минометчика”. Её автор наш земляк, участник Великой Отечественной войны Иван Иванович Рогинцев. <...> Передо мной была какая-то особенная правда войны. Очевидно, Господь Бог наделил Ивана Рогинцева изумительной памятью и даром слова, сохранил ему жизнь и ясное сознание на долгие годы не случайно. <...> Я прочел “записки” залпом. Для самопроверки огромности впечатления дал прочесть их нескольким знакомым. Восхищение было общим, как и желание – приобрести книгу после ее выхода в свет. Налицо культурный факт: Кузнецкая земля родила и вырастила не только Воина и Гражданина, но и писателя. Неважно, что Иван Иванович написал всего лишь одну книгу, она о **Правде**. Эшелонной – на грани замерзания, с драками мальчишек-новобранцев за место у единственной буржуйки. **Правда** о запасном полку на окраине Челябинска, где шестнадцатилетние солдатики оказались на грани голодной смерти. **Правда** изнурительного и тяжкого, денно и ночью, иногда по несколько суток без сна – фронтового труда под огнем, доводящего до смертельной усталости и до мысли о добровольном уходе из жизни. Но и другая **правда** – **правда** радости и всеобщего воодушевления от успешного*

залпа батареи “Катюш” по ненавистному врагу на полупрямой наводке! Когда или ты его, или он тебя! Казалось бы, только что из самых последних сил ты устанавливал стоятикилограммовые реактивные мины. И ты успел, первым дал залп! Куда девались смертельная усталость и изнеможение?! <...> Эту книгу невозможно пересказать. Ее нужно пережить вслед за автором. Пережить и преклонить колени перед ним и перед всем великим поколением, к которому автор принадлежит. Перед этой **Правдой** Великой войны наши сегодняшние горести и печали кажутся незначительными. Автор использует рамочную структуру смыслового развёртывания, в которой в начале и в конце фрагмента используются гиперонимы *особенная правда войны* (начало) и *Правда Великой войны* (экспрессивный итог), соотнесённые с гипонимами не только по смыслу, но и с помощью синтаксического параллелизма (*правда... фронтового труда, правда радости и всеобщего воодушевления*). Именно *Правда* становится нравственным мерилom произошедшего. Вторую позицию по использованию повторов занимают контексты ПМ, тесно связанные с напряжённым поиском истины.

В текстообразовании и воздействии на адресата важны семантические повторы, создающие **смысловые лексические парадигмы** (далее – СЛП). А. Греймас данное явление характеризует как «семную рекуррентцию»: «в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие одинаковые семы»; «возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» [12. С. 260]. В газетных материалах используются СЛП, содержащие два компонента и более. Смысловая связь компонентов СЛП нередко актуализирована с помощью ряда однородных членов. В лексической структуре текстов категория правды соплагается с другими категориями, выраженными в основном абстрактными именами существительными и представляющими светлое начало в жизни человека и общества в целом. Например, в отзыве о романе Р. Гулрика «Верная жена» благодаря синтаксическому параллелизму слово *правда* соположено с большим количеством слов, отражающих верный нравственный выбор: *ложь или правда, предательство или верность, секс или любовь, смерть или жизнь, ошибки импульсивной молодости или зрелая мудрость, эгоистичное одиночество или жизнь ради кого-то, распутство или целомудрие, загулы и прожигание жизни или трудолюбие и желание учиться и познавать, гнев или терпение, месть или милосердие, обида или прощение, злоба или доброта* (Б. Кобзарь, 19.02.2011). Слово *правда* включено в СЛП со словами *добро, настоящая дружба, любовь* (А. Ночка, 22.04.2010), *добро, справедливость* (редакция газеты, 24.11.2012), *истина, справедливость* (Г. Бор, 08.08.2011), *Истина и откровение* (Е. Трухан, 11.08.2011), *справедливость* (Е. Кулакова, 14.03.2013), *добро* (А. Сазыкин, 10.03.2012), *истина* (читатель газеты, 14.07.2011), *вера* (С. Бабилов, 27.12.2011), *гласность* (С. Бабилов, 09.07.2011), *свобода* (Б. Кобзарь, 26.04.2011). Два последних примера отражают роль общественно-политической проблематики в публицистике, внимание к вопросу о свободе слова: *В свое время идеолог ЦК КПСС Сулов заявил Гроссману: “Ваш роман враждебен советскому народу и государству”. В трудную минуту Гроссмана поддержал Твардовский. Он приехал к Василию Семеновичу, крепко с ним выпил и заявил, что роман “Жизнь и судьба”*

гениальный. Потом горько посетовал: “Нельзя у нас писать **правду**, нет **свободы**” (Б. Кобзарь, 26.04.2011); А вообще ситуация, когда власть боится своего народа, боится **правды**, боится зласности – постыдна. Люди должны иметь право говорить и слышать друг друга! (С. Бабилов, 09.07.2011).

Смысл слова *правда* оттеняется с помощью большого количества СЛП-антитез, которые активно используются не только в контекстах ПС. Самым частотным антонимом является слово *ложь*. Именно благодаря антитезам подчёркивается смысловая специфика «правды совести» («соблюдение высшей справедливости»), отличающая эти контексты от контекстов ПФ и ПМ, близких по использованным семантическим контрастам. Нередко в текстах используется несколько слов, контрастирующих по семантике со словом *правда* и образующих рекуррентную цепочку, которая может актуализироваться рядом однородных членов, например: *Мы тоже надеемся на то, что придет день, когда закончится лицемерие и вранье, когда прекратится глобальное воровство и “крышевание”, коррупция станет опасным и невыгодным занятием. Мы верим в то, что общество не безнадежно больно и еще может излечиться* («Право и **правда**». С. Бабилов, 20.11.2010). В контекстах ПС правде противопоставляются *ложь*, *воровство* (М. Данилова, 03.05.2013), *ложь и преступление* (А. Сницкая, 16.04.2013), *ложь, несправедливость* (Н. Кристина, 13.02.2013), *ложь, зло* (А. Сазыкин, 10.03.2012), *ложь* (А. Мананников, 26.07.2012), *неправда* (О. Волкова, 21.12.2012), *несправедливость* (О. Волкова, 01.12.2011), *ошибка* (С. Михайлов, 13.06.2013), *воровство* (М. Стахович, 11.03.2010); в контекстах ПФ – *ложь* (Б. Кобзарь, 19.02.2011), *лживая пропаганда* (А. Мананников, 26.05.2011), *неправда* (А. Артамошин, 24.06.2010), *вымысел* (В. Немиров, 25.02.2010), *миф* (И. Бодхисатхва, 17.08.2012), *оптический обман* (В. Паничкин, 31.01.2013), *версия* (В. Немиров, 04.01.2013), *шутка* (В. Немиров, 07.04.2011), *шутки* (М. Казанцева, 31.03.2013); в контекстах ПМ – *ложь*, *выдумка*, *сновидение* (С. Михайлов, 23.08.2012), *ложь* (С. Михайлов, 24.03.2011; С. Бабилов, 22.11.2011). СЛП, акцентирующие смысл противопоставляемого правде, в большей степени характерны для контекстов ПС. В целом по использованию антитез вторую позицию после контекстов ПС занимают контексты ПФ, что свидетельствует о важной для газеты актуализации достоверности фактической информации.

Метафорические контексты, передающие прежде всего значение «правда совести», стимулируют ассоциации адресата. Например, фрагмент из обращения редакции газеты к читателю: *Для нас не в новинку остракизм, гонения, угрозы... Но без борьбы не бывает победы. И путь к **правде** лежит через тернии, через преодоление сопротивления. Но много пути для гражданского общества, стремящегося к справедливости и добру, просто нет!* (24.11.2012). Метафоричность может «индуцироваться» контекстом. Так, лирический контекст представлен в заметке В. Немирова о Международном дне объятий «Письмо на снегу»: *Философы пишут на песке на берегу моря: набежала волна и смыла написанное – ведь мысль изреченная есть ложь. А влюбленные предпочитают писать на снегу краской. И только чистую правду. Правда, и она подвержена корректировке: пойдет снежок и спрячет однажды написанное, а весной все растает и скатится на землю, как слеза, – то ли радости, то ли горя* (20.01.2011). Эпитет *чистая* ассоциа-

тивно перекликается с образом снега, благодаря чему создаётся подтекст, заставляющий читателя задуматься о любви как чистой правде мироздания. Отметим, что в целом употребление метафор не является частотным в рассмотренном материале, в отличие от употребления эпитетов.

Контексты со значением «правда совести» уступают контекстам ПФ и ПМ по количеству **эпитетов**. Возможно, это связано с необходимостью в данном случае определить более сложные, метафизические категории. Во всех контекстах с помощью эпитетов определяется реакция воспринимающего правду: ПФ – *нелицеприятная, шокирующая, горькая*; ПМ – *нелицеприятная, неприятная, жуткая*; ПС – *страшная, не страшна, неприятная*. Преобладают эпитеты с семантикой негативного восприятия, которая, однако, диалектически сосуществует с мыслью о справедливости знания правды, какой бы горькой она ни была. Только в контексте ПС с помощью краткого прилагательного с отрицательной частицей подчёркивается спокойствие принимающего правду как следствие его уверенности в нравственной правоте: *Наши деды и прадеды вели себя на той Великой войне достойно, и никакая **правда** о войне ни им, ни нам не страшна* (Ю. Алябьев, 25.06.2011). Во всех контекстах определяется характер, содержание правдивой информации: ПФ – *красивая, жизненная, суровая, эшелонная*; ПМ – *сермяжная, другая, народная*; ПС – *бесхитростная, святая, последняя, Высшая*. Большие возможности конкретизации содержания правдивой информации заложены в контекстах ПФ. В этом случае экспрессия усиливается благодаря приёму нестандартной лексической сочетаемости. Например: *Многие подмечают сходство этого дома с легендарными 135-квартирными домами-дворцами на улице 25 лет Октября. И это не оптический обман, а правда. И – что у нас в диковинку – **красивая правда*** (В. Паничкин, 31.01.2013). Антитеза, синтаксическая эпифора и основанный на метонимии эпитет фокусируют достойный внимания читателя референт – архитектурное своеобразие родного города. Отличаются торжественной окраской многие эпитеты из контекстов ПС, которые не столько конкретизируют правдивую информацию, сколько подчёркивают её сакральность. Например: *Небо Раевского – это **Высшая Правда**, которая “не продается и не покупается”; символ вечной Истины и откровения, обители “заоблачных судей”; плод и обитель Творца, где “в чистых высях душа купается” и оставляет “хороший след” <...>* (11.08.2011). Справедливый порядок, как следует из рассмотренного материала, не воплотился на уровне социального устройства, но воплотился на уровне духовном. Условное имя собственное *Высшая Правда* в очерке Елены Трухан «Миры ворочая подспудно», посвящённом 60-летию кузбасского поэта Александра Раевского, обозначает высший нравственный суд, вершимый *заоблачными судьями*. Особое место среди эпитетов занимают характеристики, восполняемые только из контекста (*другая, особенная, своя*). Такого рода эпитеты привлекают внимание к смысловым связям контекста. Во всех контекстах может определяться степень истинности: ПФ – *голая, чистая, суцая, абсолютная*; ПМ – *чистая, святая*; ПС – *истинная*. Больше разнообразие характерно для контекстов ПФ, что связано с ролью категории факта в медиадискурсе. В контекстах ПМ с помощью эпитетов определяются также степень распространённости (*универсальная*) и способ выражения (*преувеличенная, иска-*

жённая), что соответствует акценту на интеллектуальной деятельности, направленной на выявление каузальных связей.

Таким образом, современный региональный медиадискурс представляет три составляющие концепта: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести», что соответствует сложившемуся в отечественной когнитивной лингвистике представлению о концепте. Рассмотренный материал позволяет говорить не столько о динамических процессах в языковой картине мира, сколько о сохранении констант русской культуры. Перспективным представляется анализ семантико-стилистических особенностей современного медиатекста, отражающего ключевой концепт. Именно семантико-стилистические особенности газетных материалов позволяют выявить закономерности воплощения трёх основных составляющих концепта «правда» и нуждаются, на наш взгляд, в ретроспективном описании (например, динамика ценностной картины мира в региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI в.).

В современных газетных материалах синкретизм трёх названных значений проявляется в размышлениях журналистов об исторической правде. Актуализация значений «правда факта» и «правда мысли» связана с образом журналиста, передающего достоверную информацию, и подчёркивает значимость определённого круга тем. Значение «правда факта» характерно для материалов об истории города и его современности, об интересных людях, причём представлены факты не только мира внешнего, но и мира внутреннего. В центре газетных материалов, выражающих «правду мысли», находятся события в культурной жизни и нравственный облик социума. В контекстах появляется уточнение содержания правды с помощью конструкции с предлогом *О*. Смысловое доминирование значения «правда совести» в газетном тексте поддержано разнообразными стилистическими особенностями. Тематической доминантой контекстов, представляющих «правду совести», в газете является нравственный стержень человека. Уступают ей в количественном отношении, но в то же время представлены во многих контекстах такие темы, как закон, народ и власть, газета, история, проблемы ЖКХ. Для газетных материалов характерна конкретизация «степени» правды, создающая субъективацию изложения и, соответственно, отражающая регулятивную установку речевого субъекта.

Ключевая семантико-стилистическая роль значения «правда совести» свидетельствует о важности в медиадискурсе «чисто русского» смысла понятия *правда* и проявляется в возвращении авторов газетных публикаций к знаковым темам, а также в том, что значение «правда совести» чаще и многограннее других актуализировано в сильной позиции заголовка, в регулятивных структурах, основанных на лексическом повторе, в смысловых лексических парадигмах, основанных на семантическом сходстве и контрасте, в регулятивах-синтагмах, включающих метафоры.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
4. Вежбицка А. (*Канберра*). Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 467–499.
5. Лишаев С.А. «Правда» и «Истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 173–209.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Правда факта» и «правда больших обобщений» // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 126–133.
8. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 3. 560 с.
10. Шмелев А.Д. *Правда vs. истина* в диахроническом аспекте: (Краткая заметка) // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 55–57.
11. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
12. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.

THE CONCEPT "TRUTH" IN MODERN NEWSPAPER OPINION JOURNALISM: THE SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS OF THE CITY NEWSPAPER *KUZNETSKIY RABOCHIIY*.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 1(33), pp. 26–37. DOI 10.17223/19986645/33/3
 Pushkareva Irina A., Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation).
 E-mail: pial1@yandex.ru

Keywords: media discourse, newspaper and publicistic text, city newspaper, concept, semantic and stylistic role.

The concept "truth" occupies an important place in the media because of their functional nature: the content of the concept absolutely corresponds with the communicative aim of a newspaper text which aspires not only to tell reliable information but also to form fair social opinion.

In the described material, we can find three main components of the concept "truth": "truth of fact", "truth of thought" and "truth of conscience". The meaning "truth of fact" reflects the taxonomic description of the word *truth* that imparts particular opinions about events and facts. The meaning "truth of thought" implies true estimation not of a fact itself, but of its (or their) interpretation expressed in opinions. The component "truth of conscience" takes a dominant place from the point of view of the concept's content; it forms the ethical basis of the concept. The syncretism of these meanings is in journalists' thoughts about historical truth.

Concrete definition of the "degree" of the truth is typical for newspaper materials; it subjectifies the narration and, accordingly, reflects the regulative purpose of the speech subject. There are four degrees of the truth: 1) absolute truth; 2) partial truth; 3) "rather truth than untruth"; 4) possible truth, a version.

Actualization of meanings "truth of fact" and "truth of thought" is connected with the image of a journalist who tells reliable information; it underlines the importance of a particular range of topics. The meaning "truth of fact" is typical for materials about the city's history and its present, about interesting people; there are facts not only of the outer world, but also of the inner one. The center of newspaper materials which express "truth of thought" are events of cultural life and society's moral temper. Specification of the truth's substance appears in contexts due to a construction with preposition *ABOUT*.

The semantic domination of the meaning "truth of conscience" in a newspaper text is supported by different stylistic features. The thematic dominant of the contexts which present "truth of conscience" is the person's moral core. Such topics as law, nation and authorities, newspaper, history, problems of housing and utility services are less frequent; yet, they are presented in many contexts, too.

The key semantic and stylistic role of the meaning "truth of conscience" proves the importance of the "absolutely Russian" sense of the notion "truth" in media discourse; it is shown in newspaper authors' return to significant topics; besides, the meaning "truth of conscience" is more often and variously presented in the strong position of a headline, in regulative structures based on reiteration, in sense lexical paradigms based on semantic similarity and contrast, in regulatives-syntagmas including metaphors.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [New frequency dictionary of the Russian vocabulary]. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
3. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd edition. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ., 2004. 992 p.
4. Wierzbicka A. *Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke* [Russian cultural scripts and their reflection in language]. In: Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.) *Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 467–499.
5. Lishaev S.A. "Pravda" i "Istina" (yazykovaya kontseptualizatsiya mira i tematicheskoe svoeobrazie russkoy filosofii) ["Truth" and "Veritas" (linguistic conceptualization of the world and thematic originality of Russian philosophy)]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*, 2006, no. 1 (4), pp. 173–209.
6. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. 10th edition. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1973. 846 p.
7. Bulygina T.V., Shmelev A.D. "Pravda fakta" i "pravda bol'shikh obobshcheniy" [The "truth of fact" and the "truth of big generalizations"]. In: Arutyunova N.D., Ryabtseva N.K. (eds.) *Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of language. Veritas and veracity in culture and language]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 126–133.
8. Buslaev F.I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching the national language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1992. 512 p.
9. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: TERRA Publ., 1994. Vol. 3. 560 p.
10. Shmelev A.D. *Pravda vs. istina v diakhronicheskom aspekte (Kratkaya zametka)* [Truth vs. veritas in the diachronic aspect (a brief note)]. In: Arutyunova N.D., Ryabtseva N.K. (eds.) *Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of language. Veritas and veracity in culture and language]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 55–57.
11. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: thesaurus]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. 384 p.
12. Filippov K.A. *Lingvistika teksta: Kurs lektsiy* [Text Linguistics: Lectures]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2003. 336 p.